

Чэнь Мэнъян не считал себя дураком, а потому вмешиваться не стал и благоразумно остался на месте.

Впереди неторопливо шагали Чи Фэйжань и Жун Цзинь. Фонари на территории лагеря горели тускло — электричество берегли, и экономные лампы едва разгоняли ночной сумрак, окутывавший съёмочную площадку. К тому же Фэйжаню отчаянно не хотелось уходить, и он неосознанно замедлял шаг, растягивая последние минуты.

Ведь завтра на рассвете ему предстояло покинуть лагерь.

Немного поколебавшись, юноша тихо спросил:

— Брат Жун, мы ведь... теперь друзья?

Жун Цзинь обернулся с тенью удивления на лице, но тут же мягко улыбнулся. То ли дело было в зыбком полумраке, то ли в чём-то ещё, но его безупречные, обычно излишне строгие черты сейчас казались на удивление тёплыми.

— А как иначе? — усмехнулся Жун Цзинь. — Или я, по-твоему, зря дарил тебе красные конверты?

Фэйжань и сам понимал, что вопрос прозвучал глупо, но без этого подтверждения на душе оставалось какое-то смутное чувство неопределённости.

— Просто... — юноша ненадолго задумался, подбирая слова. — Когда становишься другом собственного кумира, всё это кажется немного нереальным.

Для него это ощущение было особенно острым. Раньше Жун Цзинь оставался для него лишь далёким, недостижимым именем. Чи Фэйжань знал о его существовании и искренне любил его песни. В прошлой жизни он был уверен, что их пути не пересекутся никогда.

Однако судьба оказалась гораздо причудливее любых фантазий. Вернувшись в свои семнадцать лет, он не просто встретил Жун Цзиня, но и сумел сблизиться с ним.

— Привыкай, — тихо рассмеялся Жун Цзинь. — Дальше будет только интереснее.

От этого негромкого смеха у Фэйжаня по коже пробежали мурашки. Он смущённо угукнул в ответ, окончательно растеряв все мысли.

Палаточный городок был невелик, и, как бы медленно они ни шли, пришло время расходиться.

— Отдыхай, — мягко произнёс Жун Цзинь. — И не теряйся, пиши.

— Хорошо. До встречи, брат Жун. Доброй ночи, — кивнул юноша.

Жун Цзинь хотел сказать что-то ещё, но промолчал.

— Доброй ночи.

Вернувшись к себе, Фэйжань наскоро умылся и лёг в постель. Завтра на рассвете ему вместе с другими актёрами предстояло лететь на вертолёте обратно в город, так что проспать было никак нельзя.

Тем временем Чан Хаоцин заглянул в палатку к Жун Цзиню с проверкой и застал того за привычным занятием — киноимператор, разумеется, и не думал ложиться, увлечённо гоня монстров на ноутбуке.

— Знал бы — в жизни не разрешил бы брать с собой компьютер! — вскипел агент.

Не отрывая взгляда от мерцающего экрана, Жун Цзинь привычным движением пальцев прожимал комбинации клавиш. Выдав сокрушительное комбо, он лениво отозвался:

— Завтра не нужно вставать ни свет ни заря.

И это было чистой правдой — съёмочная группа заслужила день отдыха перед тем, как окончательно свернуться и вернуться в мегаполис.

— Ты себя семнадцатилетним пацаном возомнил?! — зашумел Хаоцин. — Тебе ли не знать, как вредно не спать по ночам? Что будешь делать, когда из-за сбитого режима начнётся гормональный сбой, память станет подводить, а на голове залысины появятся?!

— Не переживай, — невозмутимо парировал Жун Цзинь. — Прежде чем это случится, я успею уйти на покой.

Чан Хаоцин только рот приоткрыл.

Вот же зараза! Если этот гад уйдёт из индустрии, его верный агент мгновенно останется без работы!

Глубоко вздохнув, Хаоцин попытался подавить непреодолимое желание придушить своего подопечного прямо на месте.

— Я же о тебе забочусь! Неужели сложно проявить ко мне хотя бы десятую долю той мягкости, с которой ты окучиваешь этого мальчишку?!

Под «мальчишкой» он, разумеется, имел в виду Чи Фэйжана. Душа агента до сих пор разрывалась на части: с одной стороны, подкатывать к несовершеннолетнему юноше — поступок крайне сомнительный, но с другой... Жун Цзинь столько лет прожил бобылём, и то, что он наконец хоть к кому-то проявил искренний интерес, уже было сродни чуду.

От подобных мыслей Чан Хаоцин чувствовал, что ещё немного — и он заработает расщепление личности.

— Выгляди ты хотя бы на десятую долю так же, как он, я бы и общался с тобой иначе, — хмыкнул Жун Цзинь.

— Да как у тебя язык поворачивается?! — вскипел агент, едва не подпрыгнув. — Хватит переходить на личности! Ты ведь понимаешь, что испытываешь моё терпение?!

Пальцы Жун Цзиня замерли над клавиатурой. Он устало откинулся на спинку стула и, запустив пятерню в волосы, небрежным жестом зачесал упавшую на лоб челку назад. Прикрыв глаза, он глухо произнёс:

— Я не могу уснуть.

Хаоцин осёкся. Подойдя к походной аптечке, он быстро пересчитал блистеры. Так и есть: таблеток снотворного убавилось. Паршивый знак.

Захлопнув пластиковую крышку, Чан Хаоцин обернулся и осторожно, стараясь не задеть за живое, спросил:

— Опять... из дома звонили?

Жун Цзинь молчал, не разжимая век.

В повисшей тишине секунды тянулись мучительно медленно. Не выдержав гнетущего напряжения, агент негромко прикрикнул:

— Ну не молчи ты, расскажи!

Наконец Жун Цзинь открыл глаза. В глубине его янтарных зрачков плескалась глухая, застарелая боль, но взгляд оставался сухим и холодным.

— Нет, — покачал он головой. — Просто прошлое вспомнилось.

Хаоцин едва сдержался, чтобы не рывкнуть в сердцах: «Какого черта ты ворошишь старое!»

Но он прекрасно понимал, что подобные воспоминания не спрашивают разрешения. Тяжело вздохнув, агент придвинул стул и сел напротив подопечного, настраиваясь на откровенный разговор.

— Рассказывай. С чего вдруг нахлынуло?

Жун Цзинь снова взял паузу. И как раз в тот момент, когда Чан Хаоцин уже собрался нарушить затянувшееся молчание, тихо произнёс:

— Он очень похож на меня в юности. Смотрю на него и невольно вспоминаю себя.

Хаоцин не выдержал и вполголоса выругался:

— Бля!

В эту минуту он искренне предпочёл бы, чтобы Жун Цзинь оставался привычным циничным наглецом. Пусть бы он действительно пускал слюни на мальчишку — даже это было бы лучше. Но увы, дело было совсем в другом.

Решив не давать другу глубже увязать в меланхолии, Чан Хаоцин принялся на ходу искать различия:

— Да хрена с два вы похожи! Сравнил тоже! Ты вспомни, в каком дерьме крутился ты, и посмотри на него. Сам же говорил — у парня за спиной мощная поддержка. Он сразу после дебюта преспокойно забил на пиар и уехал на съёмки в глушь. Думаешь, почему? Да потому что за ним стоят люди, которые всё прикроют! У него есть тыл! А у тебя что было? Да ты хватался за любой паршивый сценарий, лишь бы копейку заработать! И где тут сходство, а? Ну-ка объясни мне!

Чан Хаоцин слишком хорошо помнил те голодные годы — они вместе пробивались с самых низов. В начале пути у Жун Цзиня не было и сотой доли того комфорта, которым он окружён сейчас. На съёмках своего дебютного фильма он спал чуть ли не на голой земле — о личной палатке тогда никто и не заикался.

Совсем ещё юный, без каких-либо связей или покровителей, обременённый семейными проблемами... Его подписали в агентство исключительно ради смазливового личика, и на каждом шагу его подстерегали ловушки, обман и кабальные условия. Однажды он даже избил влиятельного продюсера, попытавшегося затащить его в постель, — разукрасил похотливому ублюдку физиономию и выбил несколько зубов.

Если бы та дебютная картина не выстрелила в прокате и руководство компании, почуяв выгоду, вовремя не вмешалось и не замяло скандал, неизвестно, как бы вообще сложилась судьба Жун Цзиня. Но даже после этого ему годами приходилось пробивать лбом стены. Разве можно сравнить его тернистый путь с тепличными условиями, в которых рос этот изнеженный молодой господин?

Выслушав гневную тираду агента, Жун Цзинь лишь грустно усмехнулся:

— И всё же... мне кажется, он, как и я когда-то, просто сбежал сюда. Пытается спрятаться в этой фальшивой реальности.

От этой тоскливой улыбки у Чан Хаоцина защемило сердце.

— Глупости всё это... — с трудом выдавил он.

Он мысленно вернулся в прошлое. С тех пор как он пришёл к Жун Цзиню простым ассистентом, а со временем стал его личным менеджером, пролетело больше десяти лет. Время растаяло, словно дым.

Сглотнув подступивший к горлу ком, Хаоцин хрипло произнёс:

— Никогда бы не подумал, что скажу это... Но видит бог, лучше бы ты и правда вознамерился соблазнить несовершеннолетнего, чем кис тут, как сентиментальная девица.

Жун Цзинь лишился дара речи.

— Ну и ублюдок же ты, — искренне резюмировал он, окинув агента полным презрения взглядом.

— А сам-то?! Будто ты каждый день ведешь себя по-человечески! — огрызнулся Хаоцин.

Действительно, просиживать ночами за играми и язвить в адрес собственного менеджера давно вошло у киноимператора в привычку.

Внезапно подозрительно прищурившись, Чан Хаоцин вмиг растерял всю сентиментальность:

— погоди... Ты ведь не выдумал всю эту драму на ходу, просто чтобы я отстал и дал тебе спокойно рубиться на ноутбуке? Клянусь, Жун Цзинь, если ты сейчас меня разыграл, я тебя точно покалечу!

В ответ Жун Цзинь лишь молча уставился на него красноречивым взглядом.

— Ладно-ладно, понял, не дурак, — стушевался агент.

Жун Цзинь отвернулся. Его взгляд безразлично скользнул по экрану монитора и устремился куда-то сквозь стену палатки.

— На самом деле... я искренне рад, что его путь складывается так легко.

Наблюдая за юношей, он словно видел перед собой сценарий иной, счастливой жизни, которой сам был лишён. Вот только в глазах мальчишки порой проскальзывала глубоко запрятанная печаль — мимолётная, но слишком явная, чтобы её не заметить. Какая-то тайна терзала его юную душу.

Прошлое самого Жун Цзиня давно превратилось в застарелый ночной кошмар. Пролетели годы, но раны так и не затянулись, продолжая лишать его сна при малейшем напоминании.

Чан Хаоцин не знал, как облегчить эти страдания. Банальные слова сочувствия здесь не помогли бы — слишком хорошо он знал всю подноготную тех страшных дней. Любое неосторожное утешение могло лишь растревожить старые шрамы. Ему оставалось только перевести всё в шутку:

— Ну и радуйся молча. У этого мальчишки талант — дай бог каждому, а уж возможности и вовсе сказочные, тебе в его годы такое и не снилось. Так что готовься: не успеешь оглянуться, как молодое поколение наступит тебе на пятки и спишет со счетов.

Жун Цзинь тихо усмехнулся:

— Посмотрим. Я буду ждать его на вершине.

Чи Фэйжань и не подозревал, что его тайные тревоги, которые он так тщательно оберегал от посторонних глаз, были без труда разгаданы проницательным Жун Цзинем.

Благодаря раннему отбою юноша прекрасно выспался и проснулся сам, за мгновение до того, как зазвенел будильник. Лагерь спал глубоким безмятежным сном — рассвет только занимался, и вокруг царила абсолютная тишина.

Немногочисленные актёры, уезжающие утренним рейсом вместе с Фэйжанем, уныло бродили по площадке, непрерывно зевая и засыпая на ходу. Заметив это, деятельный Чэнь Мэнъян принялся раздавать бедолагам мятные леденцы, чтобы хоть как-то взбодрить их.

Фэйжань тоже взял конфету. Вкус оказался на удивление приятным: освежающая, но мягкая

перечная мята гармонично сочеталась с нежным сливочным послевкусием — именно так, как он любил.

— Сам выменял у девчонок из художественного отдела! — с гордостью похвастался Мэнъян. — Вы даже не представляете, какие у них залежи всяких вкусностей!

Юные художницы, подобно запасливым хомякам, натащили в свои палатки тонны всевозможной снеди. Посреди дикого первобытного леса их запасы казались настоящей сокровищницей. Поскольку Мэнъян панически боялся повторения приступа гипогликемии у своего подопечного, он тоже захватил из города внушительный мешок шоколада. Проведя «бартерную сделку» с коллегами, он остался крайне доволен результатом.

Фэйжань с улыбкой показал ему большой палец в знак одобрения. Но тут его краем глаза зацепило движение: полог палатки Жун Цзиня дрогнул и приподнялся. Спустя секунду наружу вышел сам киноимператор и сразу же устремил взгляд на Чи Фэйжана.

Чи Фэйжань не ожидал встретить его перед самым отъездом. Обрадовавшись, он сделал пару шагов навстречу, но вдруг замер, стремительно развернулся и выхватил из рук изумлённого Мэнъяна целую упаковку тех самых сливочно-мятных леденцов. После чего с довольным видом поспешил к Жун Цзиню.

Жун Цзинь тоже неторопливо шёл ему навстречу. Заметив, что парень протягивает ему какую-то яркую коробочку, он с лёгким любопытством поинтересовался:

— Что это у тебя?

— Конфеты! — сияя глазами, радостно ответил Фэйжань.

<http://bllate.org/book/18265/1758163>